

УДК 94 (47). 083
ББК 63.3

Портнягина Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: nap.spb@mail.ru

С. Ю. ВИТТЕ И П. А. СТОЛЫПИН: ДВА ВЗГЛЯДА НА ТЕРРОР В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Аннотация: Политический террор, принявший невиданный размах в период революции 1905–1907 гг., стал серьезной проблемой для власти. Поэтому борьба с ним оказалась одной из важнейших задач для Совета министров и его премьеров в период революции. Опираясь на архивные материалы, стенографические отчеты II Государственной думы, мемуары, материалы периодической печати и другие источники, проследим за тем, как оценивали террор два выдающихся премьер-министра России периода революции. Использовали ли они все возможности власти для борьбы с ним? Оказывал ли террор влияние на политику правительства? Отчасти их оценка террора была схожей. Оба считали его опасным антигосударственным явлением, с которым следует бороться репрессией и созданием в стране общественного мнения, враждебного террору. Правительственные газеты, созданные ими, стали одними из немногочисленных изданий, активно боровшимися с революционным террором. Однако страх перед террором, желание использовать его в личных целях, помешали С. Ю. Витте и его кабинету успешно противостоять этому грозному явлению. Лишь П. А. Столыпин, применив непопулярные среди либеральной общественности меры, военно-полевые суды, одновременно с проведением реформ, смог справиться с этим феноменом.
Ключевые слова: С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, премьер-министр, Совет министров, революционный террор, II Государственная дума, кадеты, общественное мнение, либералы, правые.

Политический террор, принявший невиданный размах в период революции 1905–1907 гг., стал серьезной проблемой для власти. Во-первых, необходимо было думать о безопасности кадров. Работа многих госслужащих была сопряжена с риском для жизни, от бомбы или пули не был застрахован ни министр, ни простой полицейский. Многие чиновники уходили в отставку, и, наверное, все при новых ответственных назначениях испытывали двойственные чувства, подобно И. Ф. Кошко. Когда последнего назначили вице-губернатором в очень беспокойную Самарскую губернию, им «овладело весьма сложное чувство. Радость и сосущая

тревога...» [8, с. 37]. Особенно мощный удар террористы нанесли полиции. Варшавский генерал-губернатор Г. А. Скалон писал С. Ю. Витте в ноябре 1905 г.: «Что же касается полиции, то, строго говоря, в настоящее время в Царстве Польском ее нет. Она числится лишь на бумаге, но в действительности ее малочисленность, нищенские оклады, получаемые чинами полиции, наконец, целый ряд убийств и тяжелых поранений, как высших, так и низших полицейских чинов, привели край к такому положению, что на помощь полиции мирное население теперь совершенно не надеется, и в последнее время стало даже готовиться к самообороне или же прямо обращаться к суду Линча. Надо удивляться, как при всех этих данных полицейские чины еще продолжают нести службу, а не бегут из Царства Польского» [14, л. 9 об.]. Во-вторых, чтобы справиться с революцией, власть должна была прежде всего справиться с террором. Поэтому борьба с ним стала одной из важнейших задач для Совета министров и его премьеров в период революции. Как оценивали террор два выдающихся премьер-министра России периода революции? Использовали ли они все возможности власти для борьбы с ним? Оказывал ли террор влияние на политику правительства? Этой малоизученной в историографии проблеме посвящена данная статья.

С. Ю. Витте, судя по его воспоминаниям, осуждал террор, он писал: «Убийство всегда убийство, самое ужасное антирелигиозное, антигосударственное, античеловеческое преступление» [7, с. 67]. Себя он рисовал бесстрашным политиком, действия которого не зависели от страха перед террором, который, не обращая внимания на предупреждения Департамента полиции, появлялся всюду без охраны, поскольку считал, что в его «положении бояться нельзя», ибо на него «все смотрят» [7, с. 491]. Он противопоставлял себя третьему премьер-министру, на охрану которого тратятся миллионы [7, с. 492], тогда как он «жил в Зимнем без всякой охраны, не так, как потом устроился Столыпин, когда он, живя в Елагином дворце, обратил сей дворец чуть ли не в крепость, окруженную массою полицейских» [2, с. 448].

В то же время премьер обвинял многих государственных деятелей и самого царя в страхе перед террором и трусости. Он писал, что царская чета заперлась в крепостях-дворцах Царского села и Петергофа и оттуда рассылает телеграммы своим слугам, «за них погибающих от рук подлых убийц-революционеров...» [7, с. 74]. Более того, он обвинял императрицу Александру Фёдоровну в «возбуждении анархистов к террористическим действиям» против вдовствующей императрицы Марии Федоровны, путем распространения о ней ложных слухов [7, с. 73].

Между тем современники полагали, что С. Ю. Витте сам боялся террористов, и многие его действия были продиктованы этим страхом. По мнению В. И. Гурко, заигрывание С. Ю. Витте с либералами, публичная критика действий министра внутренних дел П. Н. Дурново, «неуравновешенная растерянность» в 1905–1906 гг. было «желанием обеспечить собственную безопасность от террористических покушений, ибо, увы, физической храбростью Витте не обладал» [4, с. 517].

Когда, по настоянию Департамента полиции, С. Ю. Витте переехал в запасной дом при Зимнем дворце (Дворцовая набережная, 30), там, в швейцарской и на лестницах, вопреки его позднейшим утверждениям, круглосуточно дежурил взвод

солдат Преображенского полка [1, с. 238]. Более того, по утверждению некоторых современников, он пытался использовать террор в своих целях. А. А. Лопухин, директор Департамента полиции, передавал разговор с ним С. Ю. Витте, тогда ещё председателя комитета министров: «У директора департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, так нельзя дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату, у которого я, С. Ю. Витте, пользуюсь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе». [1, с. 134–135]. В. И. Гурко полагал, что и позже премьер-министр стремился «направить непосредственно на государя чувства неприязни за неисполнение правительством требований, предъявленных радикальными кругами общественности» [4, с. 517]. Считается, что 26 ноября 1906 г. С. Ю. Витте распорядился арестовать председателя Петербургского Совета Г. С. Хрусталёва-Носаря, а потом и весь состав Совета — своеобразный центр революции [1, с. 254–255]. Однако, по свидетельству В. И. Гурко, П. Н. Дурново арестовал Совет рабочих депутатов по своей инициативе, а С. Ю. Витте узнал об этом от него по телефону во время заседания Совета министров. Премьер пошёл к телефону, «оставив министров в довольно-таки испуганном состоянии». Он вернулся «с белым лицом и с прерывающимся от дрожи голосом» и «в величайшем волнении сказал: “Всё погибло. Дурново арестовал Совет рабочих депутатов”». Слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы, некоторые члены правительства вскочили со своих мест...» [4, с. 517].

Однако, несмотря на страх перед террором, С. Ю. Витте, как премьер-министр, должен был с ним бороться. Так, в Совете министров несколько раз обсуждалась проблема введения военно-полевых судов. Премьер выступал за введение нового сурового закона о смертной казни для всех террористов, покушавшихся на жизнь должностных лиц. Но, с его точки зрения, закон должен был бы «устранить такой порядок, при котором однородные злодеяния или влекут смертную казнь, или нет в зависимости от усмотрения начальствующих лиц» [31, с. 114]. Однако Совет министров выразил тогда «сомнения в полезности провозглашения нового весьма сурового закона, едва ли могущего получить на практике особое значение» [31, с. 101]. По мнению большинства министров, многие местности России находятся на военном или исключительном положении, и дела террористов и так передаются в военный суд, между тем обнародование столь сурового закона «произвело бы чрезвычайно тягостное впечатление» в обществе [31, с. 113], царь тоже не поддерживал это начинание. С. Ю. Витте не стал тогда настаивать на введении военно-полевых судов. В препроводительной записке к мемории об отклонении проекта главного военного прокурора Н. Н. Маслова о введении военно-полевых судов С. Ю. Витте писал Николаю II: «Ввиду разногласия среди членов Совета нахожу более правильным сохранение существующего порядка и уверен, что как МВД, так равно и главные местные начальники во всех случаях доказанных посягательств по политическим побуждениям на жизнь чинов войск, полиции и других должностных лиц будут в нынешнее смутное время пользоваться во всей полноте предоставленными им по закону полномочиями» [31, с. 112]. В определённой мере ответствен-

ность за применение смертных казней в отношении террористов была переложена с Совета министров на местные власти.

Но вот действительно большим вкладом С. Ю. Витте в противостоянии террору стало понимание того, что правительство должно начать борьбу за общественное мнение страны. Уже с середины XIX в. СМИ играли большую роль в его формировании и оказывали влияние на демократизацию общественно-политической жизни России. Эта роль усилилась в период революции 1905–1907 гг., когда пресса стала свободной, появилось множество новых изданий. С 1905 по 1907 гг. в России выходило 3310 газет и журналов, 1772 из них — в провинции [6, с. 78]. Думская журналистка А. В. Тыркова вспоминала, что члены Думы смотрели на публицистов «как на передаточную инстанцию между собой и общественным мнением. Если журналисты и не создавали репутаций из ничего, то все-таки они могли их раздувать, а могли и ослаблять. С ними приходилось считаться» [34, с. 348]. При этом практически вся пресса, как левая, так и правая, находилась в оппозиции к власти, негативно освещая любые её действия. Правительство оказалось в сложном положении, так как не имело своего печатного органа, который бы мог успешно конкурировать с либеральной печатью за создание общественного мнения в стране. Эту проблему и попробовал решить С. Ю. Витте. С 1 февраля 1906 г. по его инициативе стала выходить газета «Русское государство». 23 января 1906 г., докладывая о ней царю, премьер выражал надежду, что новая газета «будет иметь большое количество читателей и будет устранять всю ложь, которую ежедневно по всей России разносят газеты» [1, с. 337]. Он полагал, что издание проникнет в самые широкие круги читающей публики, для этого была установлена и умеренная цена — 50 коп. в месяц [31, с. 374]. Новая газета сразу же включилась в борьбу с террором. Её публицисты осуждали двойные стандарты общества по отношению к террору, видя в них причину его размаха: «Вся Россия разделена на два лагеря: на тех, кого нельзя убивать, и на тех, кого можно (и даже должно) убивать...» [26, с. 4].

Публицисты осуждали левую печать, симпатизирующую «несчастливым жертвам тирании», «вдовам живых мужей, заключённых в смертельные казематы», но совершенно не сожалеющую о жертвах террора: «Видят только террористов, не их случайных жертв: “Смотрите, его уже усадили — везут...” Попавший в руки “дикой орды наемников тирании”, он погиб безвозвратно!» О погибших: «Не стыдно ли говорить о пустяках, когда дело идет о высшей справедливости... Лес рубят — щепки летят...» [28, с. 5].

Ответственность за террор возлагалась публицистами на общественное мнение, создаваемое интеллигенцией, обществом, прессой [27, с. 3–4]. Избавиться от террора, по их мнению, можно было, только перестав симпатизировать убийцам и грабителям [29, с. 3]. Газета освещала действия власти, касающиеся наиболее громких террористических актов, в которых она в глазах общественности выглядела неприглядно. Например, 8 апреля 1906 г. в «Русском государстве» было помещено сообщение министра юстиции о проведённом прокурорском надзоре по делу Марии Спиридоновой, выявившее, что террористку не насильствовали и не

били в арестантских помещениях при Борисоглебском полицейском управлении [30, с. 1–2], как о том заявляла либеральная и левая печать.

П. А. Столыпин, в отличие от С. Ю. Витте, отличался личным бесстрашием. Его сын вспоминал, что отец «не знал страха вообще» и относился к возможности убийства с «религиозным смирением, <...> равнодушно спокойно, зная, что рано или поздно будет убит» [32, с. 21]. А князь А. Д. Оболенский в разговоре с бывшим министром просвещения в кабинете С. Ю. Витте И. И. Толстым утверждал, что П. А. Столыпин «с жизнью <...> в известном смысле, покончил, так как совершенно приготовился к смерти, которой ему угрожают: даже исповедался и причастился» [33, с. 287]. Поэтому П. А. Столыпин жил и действовал без оглядки на террор. Сразу после взрыва на даче премьера в августе 1906 г., при котором пострадали его дети, П. А. Столыпин говорил В. Н. Коковцову и В. И. Гурко, оказавшимся на месте теракта в числе первых: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России» [4, с. 586]. Посол Великобритании в России в этот период Артур Николсон в донесении министру иностранных дел Эдуарду Грею 13 августа также отмечал «спокойствие и собранность» П. А. Столыпина после теракта [35, р. 2]. 24 августа у него состоялась личная встреча с премьер-министром. В разговоре с послом П. А. Столыпин заметил, что левые партии в России ослаблены. Симптомом этого он посчитал недавнее покушение на себя, назвав его вынужденной мерой левых, надеющихся «на шокирующий террор в правительственных кругах и обществе». Кроме того, он сообщил послу о возможных терактах и против других высокопоставленных чиновников и о том, что он рекомендовал императору «иметь министров в резерве на наиболее важные департаменты, на тот случай, если он или другой министр будет убит, будет тот, кто немедленно сможет занять их место». П. А. Столыпин был решительно настроен тогда не только «освободить страну от анархии», но и вместе с умеренными проводить в стране необходимые реформы. Он заявил А. Николсону, что, если следующая Дума будет состоять из крайних партий, он, не колеблясь, её распустит, поскольку твёрдо знает, что целью левых партий является свержение династии и утверждение социалистической республики, а не либеральные реформы или введение конституции [37, р. 1]. Однако П. А. Столыпин полагал, что необходимо вначале успокоить страну, а потом уже приступать к реформам, и прежде всего следовало обуздать непрекращающийся террор. Его размах пугал общество и затруднял осуществление преобразований. В Совет министров, на имя его председателя, поступало множество писем с требованием принять меры против террора, предлагались и программы борьбы с ним. Одной из их обязательных составляющих было требование введения военно-полевых судов. Так, 12 августа 1906 г. киевский отдел партии правового порядка писал П. А. Столыпину: «...убийства верных слуг Царя и мирных граждан, исполняющих свой долг, не только продолжаются, но в некоторых местах Империи возрастают с ужасающей силою... Места заключения превратились в анархические клубы, откуда тягчайшие преступники уходят с водевильной легкостью. Суды, подавленные формализмом, действуя среди беззащитного, брошенного на произвол террора населения, играют не только жалкую, но и

опасную роль, окончательно подрывая в населении веру в силу закона и государственной власти». Киевляне обвиняли правительство в слабости, в том, что оно «способно только, к вящему назиданию населения, опубликовать длинные мартиро-логи убийств и не менее длинные реестры грабежей и насилий с неизбежным прибавлением — «преступники скрылись, злоумышленники не обнаружены». Ради очищения «злосчастной России от маньяков террористов» и ради гарантирова-ния «права жить и работать, не опасаясь ежеминутно подлого убийства из за угла или гнусного насилия в собственном жилище» авторы письма предлагали введе-ние военно-полевых судов, дикторских полномочий, привлечение граждан к воен-ной или полицейской службе. Правительству предлагалось также «очистить свои ряды, <...> лицам слабым и безвольным не место теперь в государственной службе вообще, а среди высших представителей власти в особенности...» [15, л. 26–27].

Введение военно-полевых судов опять стало предметом обсуждения Совета министров. Взрыв дачи П. А. Столыпина окончательно подтолкнул правительство к их введению в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны. Эта мера была направлена прежде всего против террори-стов. Вопрос рассматривался в Совете министров 17 августа 1906 г. Правительство П. А. Столыпина пришло к выводу, что действующие меры в борьбе с «преступной деятельностью революционных организаций» и прежде всего с усиливающимся террором, направленным не только против представителей власти, но и «мирной части населения» недостаточны [10, с. 114].

Военно-полевые суды были введены указом от 19 августа 1906 г. По всей видимости, премьеру тяжело было решиться на введение столь строгой репрес-сивной меры, он искал поддержки в обществе. На основании постановлений ряда монархических организаций он составил доклад для царя 20 августа 1906 г., а 22 августа этот доклад был заслушан и в заседании Совета министров. Монархисты требовали от правительства решительных действий против террористов: «...необхо-димо, чтобы смертная казнь была карою всех уличённых убийств, чтобы конфиска-ция применялась ко всем недвижимым имуществам, в пределах которых обнару-жены склады или заготовки смертоносных орудий и снарядов, или из которых сделаны были выстрелы или выброшены бомбы...». Смертная казнь рассмат-ривалась ими как «чрезвычайная мера обороны», как ответ власти на «жесточайший террор» «подпольную войну», объявленную ей, «Закону и обществу со стороны обширной, хорошо организованной шайки революционеров и ведущуюся с бес-примерной жестокостью под покровом безнаказанности...» [5, л. 2–4]. Позже, в ноябре 1906 г., П. А. Столыпин говорил британскому послу, что «был вынуж-ден использовать строгие меры» против революционеров «в глазах многих, может, не обязательные, но было важно показать людям, которые имеют подрывные цели, что правительство готово и способно противостоять им». Программа русского премьера: «подавление революционных беспорядков, с одной стороны, и осущест-вление реформ, с другой», показалась британскому послу вполне разумной, он полагал, что П. А. Столыпин достиг в её осуществлении определённого успеха [36, р. 1].

24 августа в газетах был опубликован текст правительственного сообщения о введении военно-полевых судов. В начале сообщения перечислялись наиболее громкие террористические акты последнего времени, которые должны были, по мысли революционеров, произвести впечатление на общество, создать панику во власти и в конечном итоге «не допустить творческой работы Правительства». Военно-полевые суды объявлялись ответом на революционный террор, вынужденной, оборонительной мерой государства: «...злодеяния должны пресекаться без колебаний, <...> если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности...» [17]. При подготовке правительственного сообщения Совет министров собрал сведения о количестве терактов в России за последнее время. Так, с 1 января по 27 апреля и с 9 июля по 20 августа 1906 г. по данным Департамента полиции террористами было совершено 621 нападение на должностные и частные лица и 562 нападения на казенные и частные учреждения и квартиры. При этом пострадало 936 человек, из них было убито 400 человек, большинство из которых (312 человек) — это чиновники. Причём П. А. Столыпин отдавал себе отчёт, что предоставленные Департаментом полиции материалы не вполне верны, в них не хватает данных из провинции империи. Он написал от руки на предоставленной ему информации: «Этот расчет мог бы быть отражающим действительность только в том случае, если бы было возможно затребовать сведения от местных начальников» [16, л. 11–12]. Правительство собрало сведения и о количестве терактов, произошедших за время работы I Государственной думы. В период с 27 апреля по 9 июля 1906 г. террористами было совершено 317 нападений на должностных и частных лиц и 282 нападения на казенные и частные учреждения и квартиры, во время которых пострадало 427 человек, из них было убито 194 человека (90 человек — частные лица) [16, л. 14]. Эти сведения показали П. А. Столыпину, что Дума не приостановила волну террора в стране.

Приняв решение о введении военно-полевых судов, П. А. Столыпин перестал колебаться. Когда генерал Ф. В. Дубасов просил царя помиловать террористов, покушавшихся на его жизнь в декабре 1906 г., Николай II обратился за советом к премьеру, который не рекомендовал императору идти на этот шаг, обосновывая свою позицию так: «Тяжёлый, суровый долг возложен на меня вами же, государь. Долг этот, ответственность перед вашим величеством, перед Россией и историей диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови...» [12, с. 105]. Николай II, склонявшийся вначале к тому, чтобы выполнить просьбу Ф. В. Дубасова, прислушался к совету и отказал бывшему московскому генерал-губернатору, повторив слова своего премьер-министра: «Полевой суд действует помимо Вас и помимо меня, пусть он действует по всей строгости закона. С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может, <...> к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови...» [13, с. 442].

Перед открытием II Государственной думы, 9 февраля 1907 г., в Совете министров обсуждался вопрос о сокращении применения закона о военно-полевых судах. Правительство пришло к выводу, что эти суды позволили сократить масштабы террора, и рекомендовало местным властям воздерживаться от их применения в период

работы Думы. Было решено не вносить в парламент представление о сохранении этого закона, который власть всегда рассматривала как «чрезвычайное и временное средство борьбы с обнаружившимися в то время крайними проявлениями революционной смуты» [11, с. 176–177].

Во II Думе правительству и его премьеру пришлось вступить в борьбу с либеральными и левыми депутатами по вопросам о терроре и военно-полевых судах, которые стали, пожалуй, самыми обсуждаемыми темами в нижней палате. Кадеты инициировали принятие закона об отмене военно-полевых судов. Либералы полагали, что террор левых является лишь ответом на насилие власти, поэтому военно-полевые суды не останавливают террор, а лишь усиливают его. В прениях кадетские депутаты подчёркивали, что военно-полевые суды показывают несостоятельность правительства. В. М. Гессен назвал их «отравленным оружием правительственного террора», который толкает страну на путь революционного террора [3, стб. 360–362].

Самую убедительную речь против военно-полевых судов произнёс московский юрист В. А. Маклаков. Его позиция была близка позиции С. Ю. Витте в этом вопросе. Он предложил их отменить во имя торжества правового государства в стране. По мнению депутата, военно-полевые суды — это «антигосударственное учреждение» с точки зрения права, так как в России нет закона для всех, поскольку за одни и те же преступления разными судами могли назначаться разные наказания. «Когда нет одного общего закона, когда есть три закона, тогда закона нет вовсе», — справедливо утверждал депутат. Он полагал, что правительство таким образом бьёт не только по революции, но и по государству. Террор снизу его пугал меньше, «чем <...> террор военно-полевых судов» [3, стб. 385–392]. В ходе дебатов П. А. Столыпин отметил, что государство должно, «когда находится в опасности, принимать самые строгие законы, чтобы оградить себя от распада», иногда же государственная необходимость вообще стоит выше права. Он предложил Думе осудить революционный террор, сказать «слово умиротворения», которое прекратит «кровавое безумство», поможет пересоздать историческое здание России. В свою очередь он обещал, что правительство примет меры по ограничению закона о военно-полевых судах самыми исключительными случаями [3, стб. 514–516]. После выступления премьер-министра, в тот же день, группа правых депутатов внесла заявление о порицании революционного террора на рассмотрение Думы. Однако прийти к согласованию интересов и компромиссу в этом вопросе Думе не удалось. Она не захотела осудить террор, а кадеты всё же внесли в Думу законопроект об отмене военно-полевых судов. 17 апреля Дума его единогласно утвердила, 2 мая законопроект рассматривался Госсоветом и был отклонён. В любом случае никакого практического значения всё это уже не имело, поскольку закон о военно-полевых судах уже не действовал.

Либералы и консерваторы в России не пришли к общему мнению относительно влияния военно-полевых судов на размах террора в стране. Однако сторонние наблюдатели, британские дипломаты, отмечали их положительный эффект. Так, консул Великобритании в Батуми писал Э. Грею, что «революционеры под влиянием тяжёлых наказаний и строгого военного режима с военно-полевыми судами

отказались во многом от своей активности...» [39, р. 1]. А. Николсон в общем докладе министру иностранных дел о внутренней ситуации в России в 1906 г. отмечал: «Репрессивные меры были решительны и в отношении обычных преступников имели сдерживающий эффект... Не думаю, что Столыпин можно порицать за те меры, которые он принял, он боролся с большим и все возрастающим злом, и, хотя военно-полевые суды являются скорыми и возможны ошибки, я не думаю, что в целом, их власть была слишком превышена...». Однако посол замечал, что вряд ли они «могут эффективно подавить революционную агитацию, по крайней мере, среди решительных революционеров» [38, р. 1–2].

П. А. Столыпин, вслед за С. Ю. Витте, понимал, что необходимо бороться за общественное мнение страны. Поэтому он инициировал выход с ноября 1905 г. новой правительственной газеты «Россия» вместо «Русского государства». Либеральные публицисты постоянно критиковала правительственную прессу. Так, «Рижские ведомости» писали о «России» как о «неумном официозе», отзывам которого «не придают в общественных кругах серьезного значения» [18, с. 2]. Однако, на наш взгляд, «Россия» сознательно и последовательно отстаивала совершенно определённые позиции по многим вопросам, волнующим общество, поэтому мы считаем ошибочным утверждение, что «самодержавие по-прежнему пренебрегало идеологическими проблемами и сказать читателю ему было нечего» [9, с. 47]. С момента своего возникновения газета стала бороться с террором. За 1905–1907 гг. на её страницах было опубликовано 50 статей о терроре. Публицисты определяли его как «партизанскую войну революционеров с правительством» за власть [21, с. 1], справедливо полагая, что без помощи общества справиться с ним невозможно [20, с. 1]. «Россия», размышляя о причинах невероятного размаха террора в стране, увидела их в позиции либеральной и левой интеллигенции, использовавшей террор в борьбе за власть [22, с. 2–3]. Причём большую вину правительственная газета возлагала не на террористические партии, а на кадетов, которые смогли организовать грамотные пиар-кампании в поддержку террора, используя его в своей борьбе с правительством. Публицисты считали кадетов «духовными отцами» революции, добивающимися не порядка и законности, а власти любым путем [23, с. 1]. «Россия» обвиняла либералов в прямом подстрекательстве к убийствам тех или иных государственных деятелей, в героизации террористов [24, с. 5].

«Россия» естественно выступила против отмены смертной казни и амнистии, рассматривая борьбу либералов за эти меры в I и II Государственных думах как попытку разоружения и дезорганизации правительства. По мнению газеты, смертная казнь — это единственная мера, которая сдерживает террористов: «Если бы за политические убийства, взрывы и тому подобное не казнили, а по головке гладили, — так вероятно, уже вся Россия была бы взорвана на воздух» [19, с. 1]. Газета поддержала правительство в его желании ответить на террор силой — военно-полевыми судами, продолжая при этом реформы [22, с. 1]. Она выступала против двойных стандартов по отношению к террору, господствующим в обществе, одинаково осуждая террор как левых, так и правых. Публицисты предложили и программу борьбы с террором: быстрая и строгая уголовная репрессия, усовер-

шенствование полицейской охраны, формирование общественного мнения, враждебного террору, а также гражданского самосознания: «Населению надо учиться гражданской свободе, ибо почти каждый у нас признает свободу только для себя, отрицает ее для другого и забывает, что правительство создано и существует для того, чтобы охранять, прежде всего, одну свободу, без которой все остальные теряют значение — свободу жить» [25, с. 1].

Таким образом, оценка террора двумя выдающимися премьер-министрами России периода революции в определённой степени была схожей. Оба считали его опасным антигосударственным явлением, с которым следует бороться репрессией и созданием в стране общественного мнения, враждебного террору. Правительственные газеты, созданные ими, стали одними из немногочисленных изданий, активно боровшимися с революционным террором. Однако страх перед террором, желание использовать его в личных целях, мешали С. Ю. Витте и его кабинету успешно противостоять этому грозному явлению. Лишь П. А. Столыпин, применив непопулярные среди либеральной общественности меры, военно-полевые суды, одновременно с проведением реформ, смог справиться с этим феноменом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 430 с.
- 2 *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 3: (17 октября 1905–1911). Царствование Николая II. 608 с.
- 3 Государственная Дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. СПб.: Государственная тип., 1907. Т. 1. 2082 с.
- 4 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. ст. Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и коммент. Н. П. Соколова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.
- 5 Доклад Министра внутренних дел П. А. Столыпина – Николаю II. 20 августа 1906 г. // Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Канцелярия совета министров. Оп. 2. Д. 174.
- 6 *Жулякова Н. В.* История российской печати конца XIX – начала XX веков: Учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению «Журналистика». Томск: Изд-во «УПК «Журналистика», 2008. 200 с.
- 7 Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1, кн.1. 521 с.
- 8 *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора. Новгород-Самара-Пенза. Пг.: Тип. «Содружество», 1916. 259 с.
- 9 *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века: Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
- 10 Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. / 1906 год. М.: РОССПЭН, 2011. 463 с.
- 11 Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. / 1907 год. М.: РОССПЭН, 2011. 863 с.

- 12 Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 103–109.
- 13 Письма Николая II к Дубасову // Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 440–441.
- 14 Письмо С. Ю. Витте от Варшавского генерал-губернатора Г. Скалона. 15 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 73.
- 15 Письмо П. А. Столыпину от киевского отдела партии Правового порядка. 12 августа 1906 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 151.
- 16 По проекту Правительственного сообщения. 19 августа – 24 августа 1906 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 172.
- 17 Правительственный вестник. 1906. 24 августа.
- 18 Рижские ведомости. 1906. 19 августа.
- 19 Россия. 1906. 21 июня.
- 20 Россия. 1906. 20 июля.
- 21 Россия. 1906. 5 августа.
- 22 Россия. 1906. 24 августа.
- 23 Россия. 1907. 6 апреля.
- 24 Россия. 1907. 8 апреля.
- 25 Россия. 1907. 28 августа.
- 26 Русское государство. 1906. 28 февраля.
- 27 Русское государство. 1906. 3 марта.
- 28 Русское государство. 1906. 6 марта.
- 29 Русское государство. 1906. 28 марта.
- 30 Русское государство. 1906. 8 апреля.
- 31 Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л.: Наука, 1990. 480 с.
- 32 *Столыпин А. П.* Сын об отце // П. А. Столыпин глазами современников / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2008. С. 20–26.
- 33 *Толстой И. И.* Дневник: в 2 т. СПб.: Лики России, 2010. Т. I: 1906–1909. 688 с.
- 34 *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.
- 35 A. Nicolson to Edward Grey. 26 August 1906 // UK National Archives (Kew). FO 371/128. № 29415.
- 36 A. Nicolson to Edward Grey. 30 November 1906 // UK NA. FO 371/129. № 41275.
- 37 A. Nicolson to Edward Grey. 3 December 1906 // UK NA. FO 371/128. № 31315.
- 38 A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907 // UK NA. FO 371/318. № 571.
- 39 Consyl Stevens to Edward Grey. Batoym. 3 November 1906. // UK NA. FO 371/128. № 38045.

* * *

Portnyagina Natalia Alexandrovna,

*PhD in History, Associate Professor, Institute of History,
Petersburg State University University Emb. 7–9, 199034*

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: nap.spb@mail.ru

S. YU. WITTE AND P. A. STOLYPIN: TWO VIEWS OF TERROR DURING THE REVOLUTION OF 1905–1907

Abstract: The political terror was of unprecedented scope during the revolution of 1905–1907, and it became a serious problem for the authorities. Therefore, fight against it was one of the major tasks for Council of ministers and its prime ministers during revolution. The author shows how two outstanding Russian Prime Ministers of the period of revolution estimated terror. The research is done on the basis of materials of the verbatim records of the Second State Duma, archival materials and other sources. Did they use all possibilities of the authority for fight against political terror? Did the terror have impact on policy of the government? Their assessment of terror was partly similar. Both considered it the dangerous anti-state phenomenon against which it is necessary to fight by repressing and creating in the country the public opinion hostile to terror. The government newspapers, which they set up, were one of the few editions, which were actively fighting against revolutionary terror. However, the fear of terror, desire to use it for their personal gain prevented S. Yu. Witte and his office from successfully resisting this terrible phenomenon. Only P. A. Stolypin could cope with this phenomenon, by taking measures, unpopular among the liberal public, such as court-martials, alongside with carrying out reforms.

Keywords: S. Yu. Witte, P. A. Stolypin, prime minister, Council of ministers, revolutionary terror, The Second State Duma, Cadet, the Right, public opinion, Liberal.

REFERENCES

- 1 Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. *S. Ju. Vitte i ego vremja* [S. Yu. Witte and his time]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1999. 430 p.
- 2 Vitte S. Ju. *Vospominanija: v 3 t.* [Memoirs in 3 vol.]. Tallinn; Moscow, Skif Aleks Publ., 1994. Vol. 3: (17 oktjabrja 1905–1911). Carstvovanie Nikolaja II (17 October 1905–1911) [The reign of Nicholas II]. 608 p.
- 3 *Gosudarstvennaja Duma. Sozyv vtoroj. Stenograficheskie otchety* [State Duma. Convocation of the second State Duma. Verbatim records]. St. Petersburg, Gosudarstvennaja tipografija Publ., 1907. Vol. 1. 2082 p.
- 4 Gurko V. I. *Cherty i silujety proshlogo: Pravitel'stvo i obshhestvennost' v carstvovanie Nikolaja II v izobrazhenii sovremennika*, vstup. stat'ja N. P. Sokolova i A. D. Stepan'skogo [Features and silhouettes of the past: the Government and the public during the reign of Nicholas II, as seen by a contemporary], publ. i komment. N. P. Sokolova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 810 p.
- 5 Doklad Ministra vnutrennih del P. A. Stolypina – Nikolaju II. 20 avgusta 1906 g. [The report of the Minister of Internal Affairs P. A. Stolypin to Nicholas II. August 20,

- 1906]. *Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Kanceljarija soвета ministrov [Office of the Council of Ministers]. Op. [Schedule] 2. D. [File] 174. (In Russian, unpublished.)
- 6 Zhiljakova N. V. *Istorija rossijskoj pečati konca XIX – nachala XX vekov: Učebno-metodicheskoe posobie dlja studentov vuzov, obučajushhihsja po special'nosti i napravleniju «Zhurnalistika»* [History of Russian media at the end of XIX – the beginning of the XX centuries: a handbook for Journalism students of the higher education institutions]. Tomsk, Izdatel'stvo «UPK «Zhurnalistika» Publ., 2008. 200 p.
 - 7 *Iz arhiva S. Ju. Vitte. Vospominanija. Rasskazy v stenograficheskoj zapisi* [From S. Yu. Witte Records. Memoirs. Stories in a stenograph]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003. Vol. 1, book 1. 521 p.
 - 8 Koshko I. F. *Vospominanija gubernatora. Novgorod-Samara-Penza*. [Memories of the Governor. Novgorod-Samara-Penza], Petrograd, Tipografija «Sodruzhestvo» Publ., 1916. 259 p.
 - 9 Mahonina S. Ja. *Istorija russkoj zhurnalistiki nachala XX veka. Učebno-metodicheskij komplekt (Učebnoe posobie, Hrestomatija)* [History of the Russian journalism at the beginning of the XX century. Teaching aid (Manual, Anthology)]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 368 p.
 - 10 *Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii* [Special magazines of Council of ministers of the Russian Empire]. 1906–1908 years, 1906 year. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2011. 463 p.
 - 11 *Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii* [Special magazines of Council of ministers of the Russian Empire]. 1906–1908 years, 1907 year. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2011. 863 p.
 - 12 Perepiska N. A. Romanova i P. A. Stolypina [N. A. Romanov and P. A. Stolypin's correspondence]. *Krasnyj arhiv* [Red archive], 1924, vol. 5, pp. 103–109.
 - 13 Pis'ma Nikolaja II k Dubasovu [Nicholas II's letters to Dubasov]. *Krasnyj arhiv* [Red archive], 1925, vol. 4-5, pp. 440–441.
 - 14 Pis'mo S. Ju. Vitte ot Varshavskogo general-gubernatora G. Skalona. 15 nojabrja 1905 g. [S.Yu. Witte's letter from the Warsaw Governor General Mr. Skalona. November 15, 1905]. *RGIA* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op. 1. D. 73. (In Russian, unpublished.)
 - 15 Pis'mo P. A. Stolypinu ot kievskogo otdela partii Pravovogo porjadka. 12 avgusta 1906 g. [The letter to P. A. Stolypin from the Kiev department of Legal Order Party. August 12, 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op. 2. D. 151. (In Russian, unpublished.)
 - 16 Po proektu Pravitel'stvennogo soobshhenija. 19 avgusta – 24 avgusta 1906 g. [On the draft of the Government message. On August 19 – on August 24, 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op.1. D. 172. (In Russian, unpublished.)
 - 17 *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1906. 24 avgusta [Government bulletin. 1906. August 24].
 - 18 *Rizhskie vedomosti*. 1906. 19 avgusta [Riga sheets. 1906. August 19].
 - 19 *Rossija*. 1906. 21 ijunja [Russia. 1906. June 21].
 - 20 *Rossija*. 1906. 20 ijulja [Russia. 1906. July 20].
 - 21 *Rossija*. 1906. 5 avgusta [Russia. 1906. August].
 - 22 *Rossija*. 1906. 24 avgusta [Russia. 1906. August 24].
 - 23 *Rossija*. 1907. 6 aprelja [Russia. 1907. April 6].

- 24 *Rossija*. 1907. 8 aprlja [Russia. 1907. April 8].
- 25 *Rossija*. 1907. 28 avgusta [Russia. 1907. August 28].
- 26 *Russkoe gosudarstvo*. 1906. 28 fevralja [Russian state. 1906. February 28].
- 27 *Russkoe gosudarstvo*. 1906. 3 marta [Russian state. 1906. March 3].
- 28 *Russkoe gosudarstvo*. 1906. 6 marta [Russian state. 1906. March 6].
- 29 *Russkoe gosudarstvo*. 1906. 28 marta [Russian state. 1906. March 28].
- 30 *Russkoe gosudarstvo*. 1906. 8 aprlja [Russian state. 1906. April 8].
- 31 *Sovet ministrov Rossijskoj imperii. 1905–1906 gg. Dokumenty i materialy* [Council of ministers of the Russian Empire. 1905–1906. Documents and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 480 p.
- 32 Stolypin A. P. Syn ob otce [The son about the father]. *P. A. Stolypin glazami sovremennikov* [P. A. Stolypin through contemporaries' eyes], ed. P. A. Pozhigajlo. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2008, pp. 20–26.
- 33 Tolstoj I. I. *Dnevnik: v 2 t.* [Diary. In 2 vol.] St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2010. Vol. I: 1906–1909. 688 p.
- 34 Tyrkova-Vil'jams A. V. *Na putjah k svobode* [On the ways to freedom]. Moscow, Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij Publ., 2007. 392 p.
- 35 A. Nicolson to Edward Grey. 26 August 1906. UK National Archives (Kew). FO 371/128. № 29415. (In Great Britain, unpublished.)
- 36 A. Nicolson to Edward Grey. 30 November 1906. UK NA. FO 371/129. № 41275. (In Great Britain, unpublished.)
- 37 A. Nicolson to Edward Grey. 3 December 1906. UK NA. FO 371/128. № 31315. (In Great Britain, unpublished.)
- 38 A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907. UK NA. FO 371/318. № 571. (In Great Britain, unpublished.)
- 39 Consyl Stevens to Edward Grey. Batoym. 3 November 1906. UK NA. FO 371/128. № 38045. (In Great Britain, unpublished.)